

ЛЮБИТЕ МАНЕЖ!

Ваш собеседник — заслуженный артист РСФСР Юрий Куклачев

ТРИ ВЕЧЕРА кряду просидев в цирке не только по служебной надобности (знакомство с новой программой, в целом своеобразной и интересной, вобравшей в себя почти все классические цирковые жанры), ловлю себя на мысли, что главным героем этого представления стал смех. Он пронизывает многие номера программы, звучит на улице в толпе после того, как представление окончено. Подумалось, а ведь каких-нибудь два века назад у людей не было цирка. Были скomorохи, «балаганные деды», Петрушки — в России, жонглеры — во Франции, шпильманы — в Германии, франты — в Польше. Так называли бродячих артистов, чье искусство, полное необычности, веселья, эксцентрики, не признавалось театральными салонами, зато пышно расцветало на площадях. Представление «Цирковое созвездие», которое сейчас идет в Перми, незримой нитью связано с тем старинным искусством райка, раешников, клоунов-пересмешчиков и балагуров, без которого, собственно, и немислим цирк.

Появления клоуна ждут с той самой первой минуты, как гаснет в зале свет. И он появляется быстро, и все-таки неожиданно. На миг смолкнувшие аплодисменты, адресованные предыдущим артистам, разгораются снова. Он еще ничего не сказал, он вообще говорит не так уж много, но с первых же мгновений начинается его

Ю. КУКЛАЧЕВ. Если мне будет позволено, я начну с агитации за нашу профессию. За профессию клоуна. А почему бы и нет? Токари, фрезеровщики, трактористы, врачи, слесари-водопроводчики свою профессию прославляют. Есть целые династии... И все их уважают. Так вот начну похвальное слово своей профессии. Помнится, автор знаменитого «Гаргантюа...» Рабле, несколько веков назад тоже создал «Похвальное слово».

Похвальное слово не профессия, а глупости создал Эразм Роттердамский.

Ю. КУКЛАЧЕВ. Это я вас нарочно провоцирую. Проверять. Вдруг реприза получится. Ищу репризы везде. В любой встрече. В любой беседе. Из Перми намерен увезти новые, пополнить программу.

Я не уверена, что редакция — самый подходящий объект для этого.

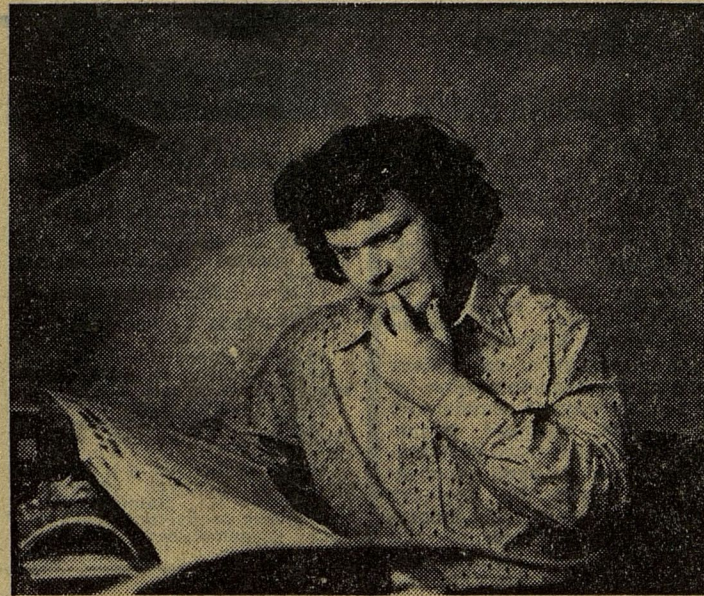
Ю. КУКЛАЧЕВ. Разумеется, вы посоветуете, чтобы я обратил свой взор на стройку или заглянул в сферу обслужива-

веселое, доброжелательное общение с залом. Это как вольтова дуга, соединяющая артиста и публику.

Лауреат премии Ленинского комсомола, заслуженный артист РСФСР, обладатель приза «Золотая корона клоунов» Юрий Куклачев, благодаря телевидению, хорошо известен многим. И сейчас, когда он появляется на манеже один или со своими ловкими, умелыми, грациозными помощниками — кошками, мы снова с готовностью настраиваемся на волну общения. Но пересказывать репризы клоуна, обрисовывать словами смех, который они высекают, кажется мне занятием зрящим, тем более, что многие тысячи зрителей были в цирке, многим это еще предстоит. А сегодня Юрий Дмитриевич Куклачев — гость редакции, и ваш, уважаемые читатели, собеседник.

Я продолжал заниматься в самодеятельности. И вот настал день, когда я переступил порог училища не как проситель, а как учащийся.

Я почему на этом остановился? Сейчас весна. Сотни юных пермяков оканчивают школу. Встает вопрос: кем быть? Убежден, во многих «живет» клоун. И они будут пытаться «пойти в клоуны». Хочется сказать им: не робейте! Дерзайте! Наберитесь терпения! Но терпения деятельного, предполагающего напряженный труд. Пусть первые разочарования и неудачи не остудят пыла, потому что основное в нашей профессии — безграничная преданность делу, большая работоспособность. Наша профессия не терпит легко-

щиеся дрессуре создания. Упрямые, своенравные, коварные.

Ю. КУКЛАЧЕВ. Вот уж и нет. У меня для них другие слова: грациозные и нежные, преданные и гордые, со своим понятием о достоинстве. А обратиться к ним заставил случай. Шел, увидел дрожащего от холода котенка, подобрал, положил за пазуху. Потом накормил. Вспомнил своего деда, у него был кот, который ходил с ним на охоту. И я решил поучить найденную кошку цирковому искусству. Получилось.

Как все просто!

Ю. КУКЛАЧЕВ. А у меня все просто. Без затей. Запугивать тройку кошек, выехал на манеж. Мои Мурки и Васьки покупались, одна из них сделала стойку на передних лапах, другая сплясала «барыню», третья «спела». И все. А если серьезно, с кошками, конечно, трудно. Как с любыми другими животными. Но есть один ключик. Он и в отношении с людь-

ми — безотказный. Сказать? Доброта. Канадцы в дипломе написали «пропаганда гуманизма», а можно и проще — доброты. Люди часто стыдятся ее. В сущности добры, а проявить ее стесняются. А меня родители научили не стесняться быть добрым. Я нескромен?

Отнюдь. Вы искренни.

Ю. КУКЛАЧЕВ. Я и образ клоуна ищу соответствующий. Интересно, каким я предстаю в глазах зрителя? То, что вызываю смех, это я вижу и чувствую. А вот как образ?

Мне вы представляетесь русским Емелюшкой. Который хоть и Емеля, но себе на уме. Ему палец в рот не клади.

Ю. КУКЛАЧЕВ. Однажды меня хотели явно обидеть, сказав, что я — Иванушка-дурачок. А я ужасно обрадовался. Вообще люблю слушать недругов. Вот уж кто не падит. У меня есть рабочий дневничок, куда я записываю весь свой вечер на манеже. Всю работу. И что хорошее было сказано. И что плохое. Не думайте, что после критики я непременно прихожу в восторг. Но я обязательно ее записываю. И довольно часто она помогает.

Я не случайно завел разговор об образе клоуна. Это, пожалуй, главное в современном цирке. Найти образ трудно, потерять легко. Я особенно остро почувствовал это, будучи на гастролях в Америке, когда довелось увидеть работу своих американских коллег на манеже в Чикаго. Как-то мы отправились на представление цирка «Братья Ринглинг-Барнум и Бейли». Едва мы вошли в зал, как тут же нас в буквальном смысле обрушили клоуны. Загримированные невообразимо ярко, одетые в сверхпестрые одежды они падали из пистолетов, свистели в дудочки, осыпали зрителей конфетти. Разделив зрительный зал на секторы, они потешали публику кто во что горазд. Уследить за их репризами не было никакой возможности. Удавалось выхватить только фрагменты, иные были неплохо исполнены, но в целом создавалось впечатление полного хаоса, бесконечного нагромождения примитивных приемов. У них в представлении иногда занято десять-тринадцать клоунов, работающих по контракту. Возраст их колебался от пятидесяти, до

восемидесяти лет. Продюсер цирка Фельд говорил о своих опасениях, боясь, что после очередного антракта кто-то из клоунов упав, не сможет больше подняться. У меня эти слова вызвали острое ощущение боли, сострадания к прыгающим, пританцовывающим, падающим немолодым людям.

Клоун Гленн Литл, работающий в этом цирке, когда мы разговаривали в антракте, сказал: «С каждым годом рассмешить публику становится все труднее».

С Литлом могут согласиться многие клоуны Америки. Цирк в США стал гигантским предприятием шоу-бизнеса, он подавляет зрителя своей величиной (кстати, программа, которую мы смотрели, называлась «Самое гигантское шоу на земле»). Но и эти шоу перестают нравиться американцам...

Когда наш коллектив работал в Филадельфии, ко мне за кулисы пришла преподаватель «Клоун-колледжа».

«Вы, русские, перевернули все мои представления о том, каким должен быть цирк», — сказала она.

Мы долго беседовали. Я рассказал о системе подготовки клоунов в нашей стране, не скрывая, заметил, что искусство американской клоунады, на мой взгляд, находится в застое. Ведь в цирке США существует сейчас всего три формы масок, которые варьируются, — это белая маска с красными губами, чисто белая и красная маска с белыми губами. Но ведь настоящий клоун — это не тот человек, который только нарисовал на своем лице маску. Он должен найти свой, неповторимый образ, настоящий клоун должен уметь передать зрителю частицу своей души, иметь доброе сердце, ибо, как сказал один очень хороший писатель: «единственное одеяние, которое никогда не ветшает — доброта».

ЗА ФОРГАНТОМ (занавес, отделяющий манеж от входа за кулисы) бывает всегда интересно.

Интересно увидеть, как грозный повелитель львов или тигров, расслабившись, тихонько поглаживает крошечную собачку, уместившуюся на ладони, у кого-то на плече скворец или воробей. Почти все артисты

цирка, независимо от жанра, имеют «живность», «братьев наших меньших». Их они не дрессируют. Это их привязанности, с которыми можно поговорить и помолчать.

В гримировальной комнате Юрия Куклачева обращаю внимание на ящик. Там кошки. Каждая в своей клеточке. Сидят, утомившись после представления. Буквально несколько минут назад Куклачев грозно и потешно отбивался от одной из них. А тут, не видя, что я вошла, продолжает разговаривать с ней. И в его голосе отчетливо слышны мягкие айболитовские интонации.

В углу — больших размеров доска. С разрешения хозяина повертываю ее — деревянная скульптура.

— Руки нуждаются в тренировке, — поясняет он. — Руки у клоуна-дрессировщика должны быть сильными и гибкими. К тому же резьбу по дереву люблю с детства.

На столике — стопка книг по искусству.

— Оканчиваю заочно ГИТИС, факультет театроведения, — говорит он.

Рядом рукопись. На титульном листе читаю: Ю. Куклачев. «Весь вечер на арене»...

— Издательство «Искусство» планирует выпустить книгу в будущем году... Эх, как надо найти хорошего художника, — слышу его слова. (Позже мне довелось прочитать рукопись. Щедрая будет книга!)

Когда пропались, он из ящика стола вытащил прозрачный воздушный шарик. Такие он раздавал детям во время представления. На секунду отвернулся, спросив из-за плеча: «Вы говорили про свою собаку, что она помешет спаниеля и таксы?» И вот несколько движений пальцами и то, только что бывшее воздушным шариком, стало моей собакой.

— Похожа? — спрашивает. — И улыбается во все лицо.

Но вот снова сосредоточен и серьезен. Достал из кармана свой дневничок. Часом раньше мы обсуждали его репризы. Он считает, что не все безупречно. И должен записать.

И. ФУКАЛОВА.

На снимке: заслуженный артист РСФСР Юрий Куклачев.

Фото А. Долатова.